

ватели были Пашковой отмечали насыщенность ее текстов сказочной фантастикой. Заслуживают внимания свидетельства сказительницы о том, что она усваивала былины и сказки и от коробейников. Можно предположить, что общением с ними объясняется стремление Пашковой к ритмизации речи. От коробейников усвоила она интересную версию с местными названиями рек и озер очень распространенного сюжета «Об ерше».

Еще одна яркая фигура среди мастеров-сказочников — уже упоминавшийся М. О. Дмитриев из дер. Авдеево, знаток долгой волшебной сказки, хранитель семейной поэтической традиции. Свое исполнительское искусство он унаследовал от отца, О. И. Дмитриева, от которого усвоил почти все известные тому сказки. Чрезвычайно существенно, что «открыт» он был лишь в середине 1970-х годов (незадолго до смерти), когда многое уже могло быть забыто. Тем более удивительна сюжетно-композиционная завершенность и стройность, эпичность стиля, изобилующего формульными, рифмованными оборотами дошедших до нас 20 сказок Дмитриева. В связи с этим уместно напомнить, что 500 текстов (из 800 хранящихся в Архиве Карельского филиала АН СССР) записаны в 60—70-е годы, т. е. в период явного и повсеместного угасания почти всех фольклорных жанров. Остается лишь предполагать, насколько интенсивно жила здесь сказка во времена ее естественного бытования, и сожалеть, что так поздно состоялась встреча собирателей с ее носителями.

Вместе с тем в новом сборнике проявились общие закономерности и тенденции, характеризующие современные процессы сказкотворчества: угасание, деградация традиции, разрушение эпического стиля, проникновение в него современной и не органичной для него лексики, чрезмерное, разрушающее фантастику обытовление.

Рассматриваемый сборник представляет пудожскую сказку и как достояние мастеров, и как «массовое явление», общее достояние: в списке сказочников значится более 150 человек. Именно это позволяет создать всестороннюю картину данной локальной традиции. Благодаря многим «рядовым» исполнителям можно говорить об особенностях бытования пудожской сказки о животных, которая полностью перешла в детскую аудиторию и обнаруживает тенденцию к сохранению «твердого», отлитого в устойчивую форму текста со стиховыми припевками и хорошо разработанными диалогами. Сюжетно разнообразны записанные от разных исполнителей новеллистические сказки сборника; среди них много антипововских и других сказок с острой социальной направленностью.

Как всякий региональный сборник, «Русские народные сказки Пудожского края» имеют свои определенные локальные особенности. О некоторых уже шла речь. Одна из наиболее существенных — связь с былинной традицией. Взаимовлияние, взаимопроникновение двух эпических традиций — сказочной и былинной — наблюдаются у многих исполнителей.

С выходом «Русских народных сказок Пудожского края» стало известно еще одно чрезвычайно важное и недостающее звено северно-русской сказочной традиции, составляющее неотъемлемую часть общерусского сказочного богатства и устно-поэтического наследия в целом.

С. М. Лойтер

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ КАРЕЛЬСКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДОК

В последнее десятилетие советские фольклористы уделяют пристальное внимание изучению народных загадок. На материале загадок народов нашей страны появляются монографии, сборники, защищаются диссертации. Собирается большой и добротный материал для сравнительного изучения этого жанра. Важно, что сборники публикуются на национальном и русском языках, что делает их доступными широкому кругу исследователей. В этом русле интереса к народной загадке очень успешно работает Н. А. Лавонен. В 1977 г. она опубликовала монографию «Карельская народная загадка» (Л.: Наука, 1977. 134 с.), а затем в серии «Памятники фольклора Карелии» — сборник «Карельские народные загадки» (Петрозаводск: Карелия, 1982. 144 с.). Обе книги изданы под грифом Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР.

Сборник «Карельские народные загадки» — первый научный свод народных загадок карел, которые публикуются на карельском и русском языках. Перевод достоверный. Н. А. Лавонен не стремится подыскать для перевода близкую по смыслу русскую загадку, что важно для сравнительного изучения карельских и русских загадок.

В кратком предисловии к сборнику освещается современное состояние и особенности карельских народных загадок, раскрывается представление о «хозяйке загадок», рассказывается о традиционном времени загадывания, дается характеристика художественного своеобразия загадок. Большое внимание уделено здесь раскрытию принципов отбора материала и организации его. В сборник, составленный на основе публикаций текстов, осуществленных в СССР и в Финляндии, включены и материалы архива Карельского филиала АН СССР, Фонотеки Института языка, литературы и истории КФ АН СССР, копии материалов Финского литературного общества и «Словаря карельского языка». Внимательно и подробно характеризуется в предисловии принцип отбора материала в сборник, ибо, несмотря на то что это свод карельских загадок, отбор все же необходимо было проводить. К чести составителя и издательства следует отметить, что они нашли возможным включить в сборник и двусмысленные загадки, что делается не так уже часто даже в научных изданиях и ведет к известному

приукрашиванию, искажению материала. Возражение может вызвать отказ от публикации загадок калининских карел из-за их малочисленности и как результат этого — невозможность составить «ясную картину репертуара данного района». Так как материал систематизирован в сборнике по региональному принципу, довод этот можно принять, хотя здесь усматривается и отход от принципа свода. Составителю следовало бы изыскать возможность представить в сборнике и загадки калининских карел. Из финляндских архивных материалов «приводятся и указываются в примечаниях только загадки, неизвестные по ранее вышедшим публикациям и отсутствующие в коллекциях» (с. 7) архива Института языка, литературы и истории. Это опять отступление от принципа свода к антологии. В примечаниях следовало указать все доступные составителю материалы, тем более что часть финских материалов вошла в сборник.

В предисловии освещается также вопрос о состоянии жанра и принципы перевода карельских загадок на русский язык. В заметке «От редактора», следующей за «Предисловием», обосновываются текстологические принципы подачи материала.

За «Предисловием» и заметкой «От редактора» следует публикация самих загадок. Они разбиты на два больших раздела: северно-карельские и южно- и среднекарельские. Целесообразность такого деления обоснована в «Предисловии». Нумерация в разделах сквозная, что значительно облегчает пользование вспомогательным аппаратом. Внутри этих двух групп загадки систематизированы по тематике отгадок. Эта общепринятая в нашей фольклористике систематизация хорошо организует и карельский материал. Рубрики и их порядок в обоих отделах одинаковы, что дает возможность не повторять их в оглавлении, а дать две колонки цифр с обозначением страниц. Однако в севернокарельском материале есть загадки, не имеющие параллельных рубрик в южнокарельских. Это «Загадки с цифрами» и «Загадки, с помощью которых изгоняли хозяйку загадок» (с. 68—70). Графически они оформлены одинаково с другими отделами («Животный мир», «Разные» и т. д.), что вполне закономерно, но, не имея параллелей в южнокарельском материале, эти загадки в оглавление не попали и затерялись в середине сборника. Их можно обнаружить, только перелистывая страницы. Раздел загадок, с помощью которых изгоняли «хозяйку загадок», непременно надо было отразить в оглавлении. А вот раздел загадок о цифрах можно было бы, на наш взгляд, объединить с «Разными», тем более что собственно цифровых загадок там только две.

Справочный аппарат сборника включает: комментарии, список источников, сокращений и литературы; условных сокращений названий районов и населенных пунктов, принятых в списке источников; указатель отгадок. В «Комментарии» поясняются не все загадки, а только те, где есть этнографические, местные и тому подобные особенности или необходимо пояснить своеобразие перевода. В разделе «Источники» указываются источники публикуемой загадки, ее вариантов или иных записей. Списки сокращений и указатель отгадок помогают ориентироваться в материале.

Таким образом, Н. А. Лавонен составила добротный, снабженный необходимым научным аппаратом, очень нужный науке и интересный широкому кругу читателей сборник карельских загадок, который по праву займет место в ряду научных публикаций этого жанра.

Создать такой сборник Н. А. Лавонен помогло глубокое знание карельских народных загадок, их внимательное, скрупулезное изучение, предшествовавшее составлению сборника и реализованное в монографии «Карельская народная загадка».

В монографии — введение и три главы. Во «Введении» рассматривается история собрания и изучения карельских народных загадок и определяются цели, задачи и пути исследования. Автор отмечает, что в основу работы положен принцип сравнительно-исторического изучения, карельская народная загадка будет рассматриваться в свете общей проблематики жанра с привлечением материала загадок многих народов, будет сделана попытка проследить типологическое и генетическое сходство загадок разных народов. Поставленные задачи Н. А. Лавонен выполнила прекрасно.

В первой главе — «Загадки в народно-бытовой традиции» рассматривается обрядовая функция загадок в прошлом, временные ограничения загадывания, позднейший период бытования и современное состояние карельских народных загадок. Карельский материал исследуется на широком, хотя и не очень полном этнонациональном фоне. Приводятся примеры даже из филиппинского фольклора. Однако ценность и интерес главы не в этом фоне, а в карельском материале, его осмыслении. В главе находим ценнейшие сведения о бытовании и обрядовой функции карельской загадки в прошлом, обязательности загадывания утром после вечернего рассказывания сказок, о целой системе, сценарии загадывания и отгадывания и о наказании за неумение отгадать. Все сведения документированы и прокомментированы.

Во второй главе — «Карельская загадка и действительность» подробно освещена тематика карельских загадок, их связь с бытом и трудом крестьянина. Последовательно рассматривая загадки по темам, автор не только показывает их связь с жизнью, но и исследует образную систему. В этом разделе работы находим подробный исторический, бытовой и этнографический комментарий карельских народных загадок, историческое приурочение некоторых из них. Особое внимание обращено здесь на социальный протест, содержащийся в загадках.

В третьей главе — «Художественная организация загадок» раскрываются черты, общие с другими фольклорными жанрами, а также особые, специфические законы их художественной организации. Рассмотрена специфика уподоблений и сравнений, ритмическое строение загадок, аллитерация, роль числительных и т. д.

В одной работе, естественно, нельзя охватить весь круг вопросов, связанных с карельской народной загадкой. В заключении намечены некоторые существенные воп-

росы изучения загадок и тем самым дается программа будущих исследований. В приложении приведен список литературы и таблица использованных в работе архивных материалов с указанием информатора, места и времени записи.

Н. А. Лавонен открыла русскому читателю мир карельских народных загадок и благодаря переводу их на русский язык ввела в широкий научный оборот.

В. В. Митрофанова

М. Б. Руденко. *Курдская обрядовая поэзия. (Похоронные причитания)*. М.: Наука, 1982. 152 с.

Вышла из печати посмертно работа М. Б. Руденко «Курдская обрядовая поэзия. (Похоронные причитания)». Яркая представительница советской школы востоковедения, основоположница изучения курдской классической литературы, М. Б. Руденко (1926—1976 гг.) за свою короткую жизнь внесла огромный вклад в развитие отечественного курдоведения. Начав с публикации в 1961 г. описания неизвестной науке коллекции курдских рукописей ленинградских собраний, ставшей значительным событием в истории изучения культуры курдского народа, М. Б. Руденко издала, перевела и исследовала многие памятники курдской литературы, такие, как «Мам и Зин» поэта XVII в. Ахмеда Хани, «Шейх Сан'ан» поэта XIV в. Факи Тейрана, «Лейли и Меджнун» автора XVIII в. Хариса Битлиси, труд курдского ученого XIX в. Мела Махмуда Баязиди «Нравы и обычаи курдов». Последняя работа М. Б. Руденко о курдских литературных и фольклорных версиях «Юсуф и Зелиха», явившаяся ее докторской диссертацией, была подготовлена к изданию, но, к сожалению, до сих пор не опубликована.

Выявляя в своих работах тесную взаимосвязь и взаимовлияние курдской литературы и фольклора, М. Б. Руденко постоянно интересовалась богатым и многообразным народным творчеством курдов. Она неоднократно совершала поездки в курдские районы Армении, Грузии, Азербайджана, Туркмении для записей и публикаций фольклорных вариантов изучаемых ею средневековых поэм, а также для сбора эпоса, сказок, пословиц, поговорок. Интерес к похоронным причитаниям возник у М. Б. Руденко при изучении памятников классической курдской литературы, засвидетельствовавших бытование причетов в далеком прошлом. (Так, в поэме Ахмеда Хани «Мам и Зин» она обратила внимание на плач героини по своему безвременно ушедшему возлюбленному.) Хотя богатый курдский фольклор еще с середины XIX в. привлекал к себе внимание ученых, обрядовая поэзия, заметную часть которой составляют похоронные причитания, оставалась до сих пор областью, мало изученной. В работах А. Авдала¹, Т. Ф. Аристовой² и др. дается описание погребального обряда, но не затрагивается похоронная причетность.

В 1970 г. М. Б. Руденко впервые опубликовала 44 образца похоронных песен курдов-езидов Закавказья с русским переводом³, а в 1979 г. вышли из печати несколько курдских похоронных песен из собрания А. Д. Жабы⁴. В 1978 г. Ордихане Джалил и Джалиле Джалил в работе «Курдский фольклор» издали тексты 96 образцов похоронных причитаний без перевода⁵.

Рецензируемая книга М. Б. Руденко — первая крупная публикация текстов курдских причетаний. В работу вошли тексты похоронных плачей курдов-езидов Армении и Грузии и курдов-мусульман Армении и Азербайджана, собранные в октябре 1972 г. При записи текстов М. Б. Руденко столкнулась с большими трудностями. Похоронные причитания у курдов, как и у многих других народов, относятся к числу сакральных, поэтому, возможно, из суеверного страха или же из нежелания вновь переживать горестные минуты, связанные со смертью, информаторы отказывались исполнять их вне обряда. Тем не менее исследователю удалось записать 129 образцов (четверостиший, трехстиший, пятистиший) и 5 сюжетных⁶ похоронных песен со слов известных курдских исполнителей таких, как Ахмеду Аслан, Бедиль Тафур, Задэ Озман и других знатоков обрядов, обычаев, ритуалов во всех подробностях.

Все тексты даны в принятой в советском курдоведении латинской транскрипции, в прекрасном русском переводе, выполненном М. Б. Руденко на высоком научном уровне, и снабжены необходимыми примечаниями, помогающими понять замысел и отдельные детали песни.

В приложение включены некоторые езидские ритуальные тексты, связанные с погребальным обрядом. Приводятся список терминов, относящихся к погребальному ритуалу, список сказителей, указатель текстов и сказителей, библиография основных трудов, посвященных исследованию езидства.

¹ Авдал А. Быт курдов Закавказья. Ереван, 1957 (на арм. яз.).

² Аристова Т. Ф. Курды Закавказья. (Историко-этнографический очерк). М., 1966.

³ Руденко М. Б. Похоронные песни курдов-езидов Закавказья. — Палестинский сборник. В. 21 (84). М., 1970, с. 70—86.

⁴ Руденко М. Б. Несколько курдских похоронных песен из собрания рукописей А. Д. Жабы. — Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1973. М., 1979, с. 168—173.

⁵ Курдский фольклор/Собрали, составили и снабдили примечаниями и предисловием Джалил О. и Д. Кн. 1. М., 1978, с. 490—503.

⁶ Термин «сюжетные» М. Б. Руденко вводит условно.